

К вопросу о событийной структуре морфологического каузатива: данные татышлинского говора удмуртского языка

Белова Дарья Дмитриевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; dd.belova@yandex.ru

В работе исследуются событийно-структурные свойства каузативных глагольных дериватов с суффиксом *-t* в татышлинском говоре удмуртского языка (респ. Башкортостан). Применительно к каузативам, образованным от агентивных (одноместных и двуместных) основ, рассматриваются следующие явления, связанные с событийной структурой, которые приняты в литературе в качестве диагностик одно- или двусобытийности каузативов: набор возможных контролеров субъекта деепричастной клаузы (только Каузатор / Каузатор и Каузируемый), модификация адverbиалами образа действия, временной локализации, длительности и кратности (только каузируемое подсобытие / каузируемое и каузирующее подсобытия / вся ситуация целиком). Применение диагностик показывает следующие результаты. Тест на возможность контроля субъекта деепричастной клаузы единственный из всего набора соответствует двусобытийной структуре, что может быть связано с внешними синтаксическими факторами и тем самым ставит под сомнение надежность теста в других языках. Тесты на интерпретацию адverbиалов показывают, что каузирующее подсобытие не может принимать никакие модификаторы и имеет экстремально редуцированную структуру. Каузативы и с контактной, и с дистантной семантикой, таким образом, являются однособытийными, что противоречит известным данным литературного удмуртского языка. Полученные результаты говорят в пользу подхода к семантике каузативов как к континууму между прямой и непрямой каузацией. Татышлинские морфологические каузативы с суффиксом *-t* покрывают весь семантический континуум, кроме собственно не прямых, поскольку даже дистантные употребления не допускают временного разрыва между каузирующим и каузируемым подсобытиями. Тот факт, что ситуации каузации, которые концептуализируются как единые неделимые ситуации, выражаются морфологически продуктивными, а не лексическими средствами, представляется типологически любопытным.

Ключевые слова: удмуртский язык, морфологический каузатив, событийная структура, контактность и дистантность каузатива

ON THE QUESTION OF THE EVENT STRUCTURE OF THE MORPHOLOGICAL CAUSATIVE: TATYSHLY UDMURT DATA

Daria D. Belova, Lomonosov Moscow State University; dd.belova@yandex.ru

The paper deals with the event-structure properties of causative verbs with the suffix *-t* in Tatyshly Udmurt (Republic of Bashkortostan). Concerning external causatives, we consider the following phenomena that are sensitive to the event structure and are accepted in the literature as diagnostics of mono- or bi-eventive causatives: a set of possible controllers of the subject of the converb clause (only the Causer / the Causer and the Causee), modification by the manner, temporal localization, duration, and frequency adverbials (only the caused sub-event / the caused and the causing sub-events / the whole situation). Applying these diagnostics shows the following results. The test for the ability to control the subject of the converb clause is the only one of the entire battery that corresponds to the bi-eventive structure, which may be due to some external syntactic factors and thus casts doubt on the reliability of this test in other languages. The tests for the interpretation of adverbials show that the causing subevent cannot accept any modifiers and has an extremely reduced structure. Causatives with both contact and distant semantics are therefore single-eventive, which contradicts the known data of standard Udmurt. The results obtained speak in favor of approaching the semantics of causatives as a continuum between direct and indirect causation. Tatyshly Udmurt morphological causatives with the suffix *-t* cover the entire semantic continuum, except for the actual indirect ones, since even distant uses do not allow a temporal gap between the causing and the caused sub-events. The fact that situations of causation, which are conceptualized as single, indivisible situations, are expressed by morphologically productive rather than lexical means seems typologically curious.

Keywords: Udmurt language, morphological causative, event structure, direct and indirect causation

1. Введение

Выделение в структуре каузативных конструкций двух подсобытий — каузирующего и каузируемого — к данному моменту стало общепринятым (см. в числе прочих [Shibatani 1972; Pykkänen 2000; Лютикова и др. 2006; Harley 2008; Lyutikova, Tatevosov 2014]). Со свойствами и характером взаимодействия этих подсобытий связан целый ряд параметров, по которым каузативные конструкции варьируют как между разными языками, так и внутри одного языка. В частности, морфологические каузативы могут быть однособытийными (концептуализироваться как единая неделимая ситуация) либо двусобытийными (каузирующее и каузируемое подсобытия достаточно независимы друг от друга и выступают как два отдельных события). Первым языком, который привлек внимание исследователей тем, что в нем морфологический глагольный дериват может быть двусобытийным, как аналитическая каузативная конструкция, стал японский [Shibatani 1972; Kitagawa 1986; Matsumoto 1998]. Отмечалось, что каузирующее и каузируемое подсобытия могут представлять собой отдельные области для некоторых явлений, например для сферы действия адвербиалов. Предложение (1) имеет две интерпретации в зависимости от того, какое из подсобытий попадает в сферу действия модификатора ‘тихо’.

- (1) *keikan-wa sono syuuzin-o mugonde ooya-ni hair-ase-ta.*
 полицейский-ТОР этот заключенный-OBJ тихо тюрьма-в зайти-CAUS-PAST
 ‘Полицейский тихо заставил заключенного зайти в тюрьму / полицейский заставил заключенного тихо зайти в тюрьму’ [Shibatani 1972] (цит. по [Bartos 2011: 10]).

В дальнейшем были сформулированы возможные диагностики для определения одно- или двусобытийности морфологических каузативов: контроль субъекта нефинитных (причастных или деепричастных) клауз, модификация адвербиалами образа действия (‘тихо’, ‘быстро’ и др.) и временными адвербиалами (‘дважды’ и др.). Все они связаны со сферами действия модификаторов: если каузирующее и каузируемое подсобытия самостоятельны и отделены, то они оба могут попадать в сферу действия модификатора по отдельности и вызывать неоднозначность в интерпретации предложения. Применение всех этих тестов вместе описано, например, для японского, финского, венгерского и литературного удмуртского языков [Horvath, Siloni 2010; Bartos 2011; Tánczos 2015]. Для ряда других языков описано взаимодействие каузативных дериватов с временными модификаторами разных классов, в частности для карачаево-балкарского [Лютикова и др. 2006], адыгейского [Аркадьев, Летучий 2007], абазинского [Koshevoy 2018], мокшанского [Никифорова 2018].

Вместе с тем с характером взаимодействия между каузирующим и каузируемым подсобытиями связано такое свойство каузативных конструкций, как контактность. Согласно [Shibatani, Pardeshi 2002], различие между контактными и дистантными каузативами моделируется с помощью пространственно-временного перекрытия (spatiotemporal overlap) между подсобытиями, причем получившийся параметр является градуальным.

В данной статье мы рассмотрим событийно-структурные свойства морфологических каузативов в татышлинском говоре удмуртского языка (< пермские < финно-угорские), который входит в южное наречие и на котором говорят в Татышлинском районе республики Башкортостан. Ввиду того, что татышлинский говор находится в продолжительном тесном контакте с окружающими тюркскими идиомами, он заметно отличается от литературного удмуртского на всех языковых уровнях (см. его наиболее подробное описание в [Baidoullina 2003]). Как мы покажем далее, каузативные дериваты с суффиксом *-t* в татышлинском, в отличие от литературного удмуртского, однособытийны. При этом они могут иметь дистантную семантику, что, согласно нашей гипотезе, может отражать градуальную природу свойства контактности.

Данные татышлинского говора были собраны методом анкетирования носителей (перевод предложений с русского языка, оценка грамматичности и интерпретация удмуртских предложений) в ходе экспедиций в с. Нижнебалтачево и окрестные населенные пункты (Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Старокальмиярово) Татышлинского района республики Башкортостан в 2021–2022 гг. Также привлекались материалы корпуса текстов, собранных коллективом экспедиции¹. Примеры из татышлинского говора записываются в фонологической транскрипции, опирающейся на систему из [Baidoullina 2003].

Структура работы устроена следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим оси классификации каузативных конструкций в языках мира, релевантные для описания событийной структуры, и обсудим используемую терминологию. В разделе 3 описаны морфосинтаксические характеристики каузативного

¹ Корпус татышлинского удмуртского доступен по ссылке: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/index.html>

показателя *-t* в татышлинском удмуртском. Раздел 4 посвящен событийно-структурным свойствам дериватов с суффиксом *-t*. В разделе 5 эти свойства обсуждаются в типологической перспективе. Раздел 6 подводит итоги работы.

2. Событийная структура каузатива и связанные параметры

В обширной литературе, посвященной описанию каузативных конструкций в языках мира, выделяется несколько релевантных для нашего исследования параметров классификации. Терминология в этой области чрезвычайно запутанна: для ряда важных англоязычных понятий нет устойчивых русских переводов, а для других существует несколько близких, но не идентичных традиций употребления.

Концептуально самое важное противопоставление — различие между ситуацией, в которой Каузатор полностью контролирует ход действия, а Каузируемый пассивен, и ситуацией, в которой Каузатор совершает некоторый каузирующий акт, после чего контроль над исполнением действия переходит агентивному Каузируемому. В распространенной терминологической традиции каузативы первого типа называют «контактными», или «манипулятивными» (подразумевается непосредственный физический контакт между Каузатором и Каузируемым), а каузативы второго типа — «дистантными», или «директивными» (не подразумевается такого контакта); см., например, [Kulikov 2001].

Это противопоставление коррелирует с морфосинтаксическими свойствами производящей основы: по типологическим данным, каузативы, образованные от одноместных пассивных основ, зачастую обособляются от каузативов, образованных от одноместных агентивных и двухместных основ, и сближаются с непроизводными переходными глаголами. Например, в карачаево-балкарском языке каузативы от пассивных основ (3) так же, как непроизводные переходные глаголы (2), имеют две возможные интерпретации под отрицанием, тогда как каузативы от агентивных основ — три (4).

(2) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

alim bajraq-ni bul-ka-ma-j-di.

Алим флаг-ACC махать-NEG-IPFV-3SG

i. 'Алим не машет флагом {и флаг не шевелится}'.

ii. 'Алим не машет флагом {флаг развевается на ветру}' [Лютикова и др. 2006: 119].

(3) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

kerim illew-nü sin-dir-ma-di.

Керим игрушка-ACC ломаться-CAUS-NEG-PST.3SG

i. 'Керим не сломал игрушку {даже не пытался}'.

ii. 'Керим не ломал игрушку {она сама сломалась}' [там же: 132].

(4) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

ata-si alim-ge cap-tir-ma-di.

отец-3 Алим-DAT бегать-CAUS-NEG-PST.3SG

i. 'Отец не заставил Алима бегать {Алим не бегал}'.

ii. 'Отец не заставлял Алима бегать {Алим бегал по собственному желанию}'.

iii. 'Отец заставил Алима не бегать' [там же].

Отметим, что между семантической и морфосинтаксической классификациями наблюдается именно корреляция, а не строгое одно-однозначное соответствие. отождествлять термины «контактный» и «дистантный» с каузативами, образованными от двух типов производящих основ, исключительно на основании морфосинтаксических характеристик не совсем корректно. Например, в деривационной цепочке из глаголов языка коми *puk-* 'сидеть' / *puk-t-* 'ставить' / *puk-öd-* 'заставлять садиться' [Лыткин 1957: 105] участвуют два каузатива, один из которых является семантически контактным, а второй — семантически дистантным, при этом оба они образованы от одной и той же неагентивной одноместной основы.

В работе [Shibatani, Pardeshi 2002] предложена классификация, учитывающая различия между агентивным и пассивным Каузаторами, под терминами прямой (direct) и непрямой (indirect) каузации. В том случае, когда Каузируемый пассивен, выполнение каузируемого подсобытия лежит полностью на Каузаторе, поэтому каузирующее и каузируемое подсобытия случаются в одно или практически в одно и то же время, т. е. появляется так называемое пространственно-временное перекрытие. Благодаря этому перекрытию случаи прямой каузации могут концептуализироваться как единые неделимые ситуации, см. рис. 1 и иллюстрацию (глагол 'усаживать') в (5).

(5) КАЛМЫЦКИЙ

ekə xotə id-ül-xär üür-än suu-lv-əv.

мама еда есть-CAUS-CV.PURP ребенок-P.REFL сидеть-CAUS-PST

‘Мама усадила ребенка, чтобы покормить его’ [Say 2013: 260].

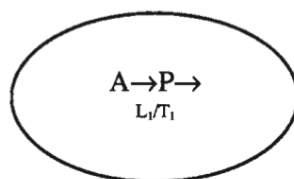

Рис. 1. Взаимодействие между участниками прямой каузативной ситуации,

где А — агентивный участник (Каузатор), Р — пациентивный участник (Каузируемый = Пациент).

Буквами L и T обозначены пространственный и временной профили ситуации [Shibatani, Pardeshi 2002: 90]

При непрямо́й каузации Каузируемый имеет некоторую степень контроля над выполнением каузируемого действия. Из-за наличия второго агентивного участника каузируемое подсобытие получает бо́льшую степень автономности, в первую очередь временной и пространственной. Отделимость двух подсобытий не позволяет объединить их в одно, причем именно временной параметр является решающим для определения свойств каузатива: подсобытия непрямо́й каузации могут происходить в общем пространстве, но не должны иметь временного перекрытия. Непрямо́й каузация схематично изображается на рис. 2, где вторая часть ситуации происходит в момент времени T_2 , отличный от момента времени T_1 .

(6) БАШКИРСКИЙ

äsäj kürše-nän haraj-ðə bod-ðor-yan.

мать сосед-AVL сарай-ACC портить-CAUS-PC.PST

‘Мать наняла соседа сломать сарай’ [Перехвальская 2017: 246].

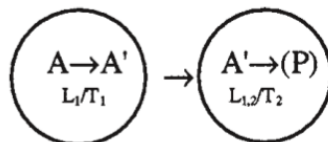

Рис. 2. Взаимодействие между участниками непрямо́й каузативной ситуации:

действия Каузатора влияют на Каузируемого через некоторый промежуточный этап

[Shibatani, Pardeshi 2002: 90]

В большинстве языков возможность концептуализировать прямую каузативную ситуацию как единую, а непрямо́ую — как две разных имеет последствия в глагольной системе: прямая каузация выражается лексически с помощью непроизводных (или нерегулярно-производных) переходных глаголов, а непрямо́ая — с помощью регулярных морфологических, аналитических или перифрастических каузативов, ср. в русском языке *кормить (ребенка с ложки)* и *заставлять есть (запретив вставить из-за стола)*. Тем не менее авторы отмечают, что это не правило, а тенденция: во-первых, между полным пространственно-временным перекрытием и двумя отдельными ситуациями с разными временными и пространственными профилями существует континуум по степени близости подсобытий; во-вторых, на этом континууме языки по-разному проводят границу между тем, что концептуализируется как одна ситуация, а что — как две.

Промежуточное положение между прямой и непрямо́й каузацией занимает социативная каузация. Оба участника социативной каузативной ситуации проявляют агентивные свойства, при этом Каузатор сопровождает Каузируемого на протяжении всего каузируемого подсобытия. Если Каузатор помогает Каузируемому или принимает участие в действии вместе с ним, то такая каузация (ассистивная) ближе к прямой: Каузатор физически задействован, но Каузируемый обладает большей самостоятельностью.

(7) КОРЕЙСКИЙ

emeni-ka ai-eykey kulca-lul hanahana ciphe-ka-mye chayk-ul ilk-hi-ess-ta.

мама-NOM ребенок-DAT письмо-ACC по_одному показывать-идти-пока книга-ACC читать-CAUS-PAST

‘Мама заставляла ребенка читать книгу, указывая на буквы одну за другой’ [Shibatani, Chung 2002: 114].

Рис. 3. Ассистивная каузативная ситуация [Shibatani, Pardeshi 2002: 101]

Если же Каузатор следит за выполнением действия Каузируемым, но сам не принимает в нем участия (ситуация присмотра, или *supervision*), то семантическая модель ближе к непрямой каузации, поскольку контроль над протеканием подсобытия в большей степени находится у Каузируемого, однако между ситуациями существует неполное пространственно-временное перекрытие.

(8) ЯПОНСКИЙ

hahaoya-ga kodomo-ni hon-o yoma-se-te i-ru.
 мама-NOM ребенок-DAT книга-ACC читать-CAUS-CONJ быть-PRES

‘Мама заставляет ребенка читать книгу {будучи в этот момент за дверью}’ [Shibatani, Chung 2002: 115].

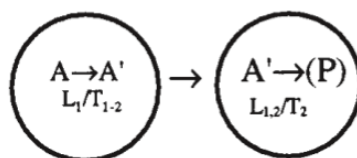

Рис. 4. Каузативная ситуация присмотра [Shibatani, Pardeshi 2002: 101]

Авторы также отмечают, что континуум от прямой до непрямой каузации может быть изображен в виде семантической карты, на которой конкретный каузативный суффикс в некотором языке покрывает определенную зону (однако требования непрерывности этой зоны, важного для формализма семантических карт, эксплицитно не вводят):

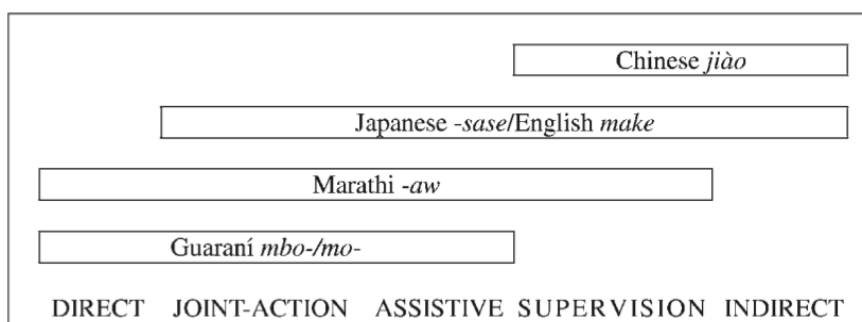

Рис. 5. Семантический каузативный континуум

В настоящей статье мы покажем, что в татышлинском удмуртском у морфологических каузативов с суффиксом *-t* могут быть все перечисленные выше значения континуума, однако даже на правом его краю, который имеет тенденцию к концептуализации в виде двух отдельных событий и соответствует формальному выражению, являются однособытийными. Также мы будем придерживаться терминологии вслед за [Kulikov 2001]: «контактный» и «дистантный» каузативы понимать в семантическом плане, т. е. как ситуации с тесным контактом и без тесного контакта Каузатора и Каузируемого.

3. Каузативные показатели в татышлинском удмуртском

Перед тем как приступить к рассмотрению событийной структуры, опишем семантические и морфосинтаксические свойства морфологических каузативных показателей. Инвентарь состоит из двух формантов: *-t* и *-ttâr*. В данной работе мы рассматриваем событийно-структурные свойства только первого из них.

Суффикс *-t* является продуктивным глагольным каузативом и присутствует в литературном удмуртском (см. [ГСУЯ 1962: 228–231; Кондратьева 2009; Костина 2022]). Его когнаты находят в других ураль-

ских языках, в частности венгерском, хантыйском, коми и ненецком (см. [Dolovai 2006; Костина 2022]). Формант *-ttâr* не так продуктивен, отсутствует в литературном языке и менее устойчив в языковой системе: он есть не во всех идиолектах, а внутри одного идиолекта может накладывать ограничения на производящую глагольную основу, в отличие от универсального *-t*. Помимо татышлинского говора, формант *-ttâr* фиксируется (с некоторой фонетической вариативностью) и в других говорах периферийно-южного диалекта и трактуется как тюркское заимствование [Кельмаков 1998: 142; Baidoullina 2003: 98].

Суффикс *-t* образует каузативные дериваты от любых глагольных основ без каких-либо ограничений — в том числе он свободно присоединяется к одноместным пациентивным (9), одноместным агентивным (10) и двухместным (11) основам.

- (9) a. *vü bârekt-i-z*.
вода кипеть-PST-3SG
'Вода вскипела'.
b. *maša vü bârektâ-t-i-z*.
Маша вода кипеть-CAUS-PST-3SG
'Маша вскипятила воду'.
- (10) *ruslan maša-jez uža-t-i-z*.
Руслан Маша-ACC работать-CAUS-PST-3SG
'Руслан заставил Машу работать'.
- (11) *anaj-ez maša-jez kn'iga lă'ž'â-t-i-z*.
мама-POSS.3SG Маша-ACC книга читать-CAUS-PST-3SG
'Мама заставила Машу читать книгу'.

Как в литературном [Tánczos 2015: 100; Костина 2022: 87], так и в татышлинском удмуртском Каузируемый участник получает аккузативное маркирование вне зависимости от аргументной структуры производящей основы. Такой паттерн является нарушением типологически распространенной иерархии Б. Комри [Comrie 1981] (12), согласно которой Каузируемый занимает самую высокую доступную синтаксическую позицию и получает маркирование, характерное для этой позиции в данном языке.

(12) *Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение*

Неодушевленный Каузируемый допускает опущение падежного аккузативного показателя в соответствии с правилами дифференцированного маркирования объекта (13b), как и пациентивные аргументы непроизводных переходных глаголов (13c):

- (13) a. *ž'ô šuna-Ø-z*.
лед таять-PST-3SG
'Лед растаял'.
b. *ruslan ž'ô-(jez) kastr'ul'a-jen šun-t-i-z*.
Руслан лед-ACC кастрюля-INS таять-CAUS-PST-3SG
'Руслан растопил лед в кастрюле'.
c. *pet'a [bodâ / bodi-jez] č'ig-i-z*.
Петя палка палка-ACC ломать-PST-3SG
'Петя сломал палку'.

Для одушевленных Каузируемых эксплицитное падежное маркирование обязательно — эта черта снова является общей для литературного и татышлинского удмуртского. Отсутствие вариативности в данном случае согласуется с общей тенденцией обязательного маркирования объектов-людей (см. [Кондратьева 2002] о литературном удмуртском).

- (14) *vas'a nâlpî-jos-*(âz) sajka-t-i-z*.
Вася ребенок-PL-ACC просыпаться-CAUS-PST-3SG
'Вася разбудил детей'.

В татышлинском удмуртском исключением из описанного паттерна выступает небольшой класс глаголов восприятия, при которых Каузируемый может принимать дативное маркирование (15). Аналогичный сдвиг в стратегии наблюдается, например, в мишарском диалекте татарского языка [Бонч-Осмоловская 2007: 151—152]. Можно предположить, что при глаголах восприятия Каузируемый также имеет роль Экспериенцера, для которого датив — стандартная форма кодирования (16).

- (15) *vas'a [anaj-ze / anaj-ez-lâ] kârž'an kâld-is'kâ-t-i-z.*
 Вася мама-ACC.POSS.3SG мама-POSS.3SG-DAT песня слушать-DETR-CAUS-PST-3SG
 'Вася заставил маму послушать песню'.

- (16) *mânâm s'ekât ôz lû perevod.*
 я.DAT тяжелый NEG.PST.3 становится перевод
 'Мне не сложно было переводить' [Корпус татышлинского удмуртского: «Dialog»].

Семантика морфологических каузативов может включать несколько типов частных значений [Куликов 2001]. У суффикса *-t* в татышлинском удмуртском выделяются следующие: непосредственная физическая каузация (фактив, (17)), опосредованная каузация (18) (в том числе вербальная (19)), просьба (рогатив, (20)). Насколько нам известно, работ на материале литературного удмуртского языка, где бы в типологической перспективе подробно рассматривались семантические типы каузативных конструкций, нет, однако наши выводы не противоречат описаниям, приведенным в [Кондратьева 2009; Костина 2022].

- (17) *vas'a pet'a-jez bâč'atâ-sa s'erež'a-t-i-z.*
 Вася Петя-ACC щекотать-CVB смеяться-CAUS-PST-3SG
 'Вася рассмешил Петю, пощекотав его'.
- (18) *ruslan pogâra-sa pet'a-jez s'erež'a-t-i-z.*
 Руслан падать-CVB Петя-ACC смеяться-CAUS-PST-3SG
 'Руслан рассмешил Петю, упав'.
- (19) *ruslan pet'a-jez s'erež'a-t-i-z an'ekdot vera-sa.*
 Руслан Петя-ACC смеяться-CAUS-PST-3SG анекдот говорить-CVB
 'Руслан рассмешил Петю, рассказав анекдот'.
- (20) *vas'a dâš-et-is'-ez ôs-ez vorsa-t-i-z.*
 Вася учиться-CAUS-PTCP.ACT-ACC дверь-ACC закрывать-CAUS-PST-3SG
 'Вася попросил учительницу закрыть дверь'.

Пермиссивная интерпретация, типологически распространенная, у дериватов с *-t* затруднена и требует дальнейших исследований для определения границ приемлемости. Пример (21) не может иметь пермиссивной семантики и понимается только как заставление, тогда как контекст (22) демонстрирует вариативность интерпретации среди носителей и может трактоваться половиной опрошенных как разрешение. При этом значение '(своими действиями) допустить, чтобы X' дериваты с суффиксом *-t* выражать могут (23):

- (21) *#maša anaj-ez-les' d'iskot'eka-je mânâ-nâ kur-is'k-i-z=no anaj-ez so-je*
 Маша мама-POSS.3SG-GEN2 дискотека-ILL идти-INF просить-DETR-PST-3SG=ADD мама-POSS.3SG тот-ACC
mânâ-t-i-z.
 идти-CAUS-PST-3SG
 'Маша попросила у мамы разрешения пойти на дискотеку, и мама заставила ее / *разрешила ей пойти'.
- (22) *vas'a dâš-et-is'-les' klass-is' potâ-nâ*
 Вася учиться-CAUS-PTCP.ACT-GEN2 класс-EL выходить-INF
kur-is'k-i-z=no dâš-et-is' so-je pot-t-i-z.
 просить-DETR-PST-3SG=ADD учиться-CAUS-PTCP.ACT тот-ACC выходить-CAUS-PST-3SG
 'Вася попросил у учительницы разрешения выйти из класса, и учительница %разрешила ему выйти / %выгнала его'.
- (23) *vas'a nâlpi-ze šundâ šor-ân žua-t-i-z.*
 Вася ребенок-ACC.POSS.3SG солнце середина-LOC гореть-CAUS-PST-3SG
 'По Васиной вине ребенок сгорел на солнце'.

Каузативные дериваты от агентивных основ могут иметь как контактную (прямую, см. рис. 1 на каузативном континууме М. Шибатани и П. Пардеши и иллюстрацию в (24i)), так и дистантную (непрямую, рис. 2 и (24ii)) интерпретации. Кроме того, они могут получать ассистивное значение (25i), см. рис. 3. При этом присутствие Каузатора на всем протяжении каузируемого подсобытия необязательно: пример (26) возможен как в контексте постоянного контроля Каузатора над протеканием каузируемого подсобытия, т. е. ситуации присмотра (рис. 4), так и в контексте, когда говорящий не видит Каузатора и не застал выполнение каузируемого подсобытия, однако предполагает факт каузации.

- (24) *dâš-et-is' vas'a-jez klass-is' pot-t-i-z.*
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Вася-ACC класс-EL выходить-**caus**-PST-3SG
 i. 'Учительница вывела Васю из класса'.
 ii. 'Учительница выгнала Васю из класса'.
- (25) *anaj-ez maša-jez kn'iga ôz lăʒʒ'â-tâ.*
 мама-POSS.3SG Маша-ACC книга NEG.PST.3 читать-CAUS
 i. 'Мама с Машей не читала книгу {Маша маленькая, сама читать еще не умеет}'.
 ii. 'Мама не заставляла / запретила Маше читать книгу'.
- (26) *uč'kâ-Ø, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-e!*
 смотреть-IMP мать-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PRS.3SG
 'Смотри, мама заставляет Васю чистить зубы!'
 i. {Мама стоит в ванной и контролирует, чтобы Вася почистил зубы}.
 ii. {Мы заходим в ванную и видим, как Вася чистит зубы (мамы нет, но я знаю, что без напоминания он бы не стал этого делать))}.

4. Событийная структура каузатива

Как уже упоминалось во введении, для определения одно- или двусобытийности морфологического каузатива используется несколько диагностик, чувствительных к сферам действия некоторых модификаторов. В двусобытийном каузативе и каузирующее, и каузируемое подсобытия могут модифицироваться по отдельности, тогда как в однособытийном для модификации доступно только каузируемое. Это отражается в количестве интерпретаций соответствующих предложений. Общепринятым тестом является временная модификация, причем в ряде работ предлагается использовать только адвербиалы кратности [Horvath, Siloni 2010; Bartos 2011]. Однако в некоторых языках обнаруживаются любопытные различия между временными адвербиалами разных классов, в частности локализации, кратности и длительности.

Для морфологических каузативов с *-t* в литературном удмуртском языке в работе [Tánczos 2015] рассматриваются две диагностики: возможность контроля субъекта деепричастных клауз и модификация адвербиалами кратности. Результаты обеих говорят о двусобытийной структуре. Ниже мы рассмотрим эти и другие тесты в приложении к татышлинским данным.

4.1. Контроль субъекта деепричастий

Начнем рассмотрение диагностик одно- и двусобытийности с количества субъектных ролей в каузативной конструкции. Предложения с двусобытийными глаголами при добавлении деепричастной клаузы будут неоднозначны из-за того, что и Каузатор, и Каузируемый могут выступать контролерами ее нулевого субъекта. При однособытийных каузативах, напротив, нефинитная клауза может зависеть только от Каузатора. В литературном удмуртском применение этого теста показывает двусобытийность каузативов на *-t* (27):

- (27) *Са́ша му́зем вы́л-ын кыллы́-са кыр́жа-т-й-з Ма́ша-ез.*
 Саша земля поверхность-LOC лежать-CVb петь-CAUS-PST-3SG Маша-ACC²
 'Саша заставил Машу петь, лежа на земле' (неоднозначно: «Саша лежал» или «Маша лежала»)
 [ibid.: 128].

В татышлинском говоре также есть деепричастный показатель *-sa* с семантикой одновременности или предшествования, однако его использование в качестве диагностики количества подсобытий каузативных дериватов сталкивается с затруднениями: данный показатель образует как односубъектные, так и разносубъектные клаузы³ [Данилова 2022]; см. пример (28).

- (28) а. *šundâ šor-ân zagarat' karâ-sa mon ta kn'iga-jez lăʒʒ'-i-Ø.*
 солнце середина-LOC загорать делать-CVb я этот книга-ACC читать-PST-1SG
 'Загорая на солнце, я читала эту книгу'.

² Примеры из процитированной работы приводятся в литературной орфографии с системой глоссирования, идентичной другим примерам из удмуртского языка в статье.

³ В работе О. Танцош синтаксические характеристики деепричастий на *-sa* в литературном удмуртском не рассматриваются, поэтому мы не можем сравнить их с татышлинским говором в приложении к каузативам.

- b. *pet'a kureg-ze vandâ-sa maša so-les' šâd pòz'-t-i-z.*
 Петя курица-ACC.POSS.3SG резать-CVB Маша тот-GEN2 суп вариться-CAUS-PST-3SG
 'После того, как Петя курицу зарезал, Маша из нее суп сварила' [там же: 86—87].

Вместе с тем аккузативные аргументы глагола демонстрируют любопытную асимметрию относительно возможности контролировать нулевой субъект деепричастной клаузы в зависимости от их статуса. Если предикатом главной клаузы выступает непроемный переходный глагол, а аккузативным участником, соответственно, Пациент (или в данном случае Стимул), то для деепричастной клаузы с *-sa* возможна только односубъектная интерпретация вне зависимости от ее линейного расположения в предложении (29). Если же в главной клаузе находится каузативный глагол, имеющий в качестве аккузативного участника Каузируемого, то предложение получает две интерпретации, как в литературном удмуртском (30—31). При этом играет роль линейное положение клаузы: предпочтителен такой выбор контролера, при котором клауза будет располагаться непосредственно после него. Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем явное противопоставление в свойствах каузативных и непроемных глаголов, которые гипотетически можно связать с различиями в количестве подсобытий и, следовательно, констатировать, что каузативы двусобытийны. С другой стороны, существование у деепричастий с *-sa* разнотелной интерпретации ставит под сомнение применимость этой диагностики для данных татышлинского говора: как убедиться, что две интерпретации в (31) свидетельствуют именно о двусобытийности каузатива, а не о разнотелности деепричастия? Мы вернемся к более подробному обсуждению этого вопроса в разделе 5.

- (29) a. *pet'a maša-jez pukon vâl-ân sâlâ-sa a'ž'-i-z.*
 Петя Маша-ACC стул поверхность-LOC стоять-CVB видеть-PST-3SG
 b. *pet'a pukon vâl-ân sâlâ-sa maša-jez a'ž'-i-z.*
 Петя стул поверхность-LOC стоять-CVB Маша-ACC видеть-PST-3SG
 i. 'Петя стоял на стуле и увидел Машу'.
 ii. *'Петя увидел Машу, которая стояла на стуле'.
- (30) *pet'a pukon vâl-ân sâlâ-sa maša-jez kârž'a-t-i-z.*
 Петя стул поверхность-LOC стоять-CVB Маша-ACC петь-CAUS-PST-3SG
 i. 'Петя стоял на стуле и попросил Машу петь'.
 ii. ?'Петя попросил, чтобы Маша стояла на стуле и пела'.
- (31) *pet'a maša-jez pukon vâl-ân sâlâ-sa kârž'a-t-i-z.*
 Петя Маша-ACC стул поверхность-LOC стоять-CVB петь-CAUS-PST-3SG
 i. ?'Петя стоял на стуле и попросил Машу петь'.
 ii. 'Петя попросил, чтобы Маша стояла на стуле и пела'.

4.2. Модификация адвербиалами

Другой индикатор одно- или двусобытийности — это сфера действия так называемых низких (low) адвербиалов, которые модифицируют структуру на уровне пропозиции⁴ (см., в частности, [Cinque 1999; Delfitto 2006]). Различия в сферах действия актуальны в первую очередь для дистантных (непрямых) каузативов, т. к. с контактными (прямыми), концептуализирующимися как единая ситуация в пространственном и временном плане, любые адвербиалы модифицируют всю ситуацию целиком. Согласно работе [Dik et al. 1990], модификаторы, в свою очередь, можно разделить на несколько классов-уровней, из которых нас будут интересовать два. Во-первых, это субъектно-ориентированные адвербиалы образа действия (subject-oriented manner) типа 'быстро', 'красиво' и др. Вместе с адвербиалами пространственной ориентации они относятся к классу предикатных (predicate satellites) и располагаются на самом низком из доступных адвербиалам уровней в структуре клаузы. Если адвербиал предикатного уровня добавляется в двусобытийную структуру каузативной клаузы, он может иметь узкую сферу действия, т. е. модифицировать подсобытия по отдельности. Тут логичным образом возможны два варианта: только каузирующее CAUSE[ADV[e1]; e2] или только каузируемое CAUSE[e1; ADV[e2]]. В однособытийной структуре модификации подвергается только каузируемое подсобытие.

⁴ Низкие адвербиалы противопоставляются высоким (high) — последние модифицируют уровень высказывания. К ним относятся, например, адвербиалы эпистемической оценки ('вряд ли', 'probably'), оценочные адвербиалы ('к счастью', 'luckily'), прагматические ('честно', 'frankly') и др.

Второй, более высокий уровень — это уровень предикации (predication). К нему относятся разного рода временные модификаторы, а также, например, адвербиалы с семантикой цели, причины и пространственной локации. Для исследования каузативов важно отметить, что, помимо узкой сферы действия, временные модификаторы могут иметь широкую — т. е. модифицировать всю ситуацию целиком: ADV[CAUSE[e1; e2]]. Соответственно, для двусобытийной структуры с модификатором будут возможны три интерпретации, а для однособытийной — две (с широкой сферой действия и с модификацией каузируемого подсобытия).

4.2.1. Адвербиалы образа действия

Взаимодействие агентивно-ориентированных адвербиалов образа действия с двусобытийными каузативами можно увидеть на примере японского языка. Предложение (32) неоднозначно и имеет две интерпретации:

(32) ЯПОНСКИЙ

jon-wa muriyari sono ko-ni sono kutsushita-o ooyorokobide hak-ase-ta.

Джон-ТОР насильно этот ребенок-DAT этот носок-ACC радостно надеть-CAUS-PST

‘Джон насильно заставил ребенка надеть носок радостно’ (неоднозначно: «радостно заставил» или «радостно надеть») [Matsumoto 1998: 9].

Однако в татышлинском удмуртском мы такой неоднозначности не наблюдаем: адвербиал может модифицировать только каузируемое подсобытие, но не каузирующее (33)—(34). Таким образом, результат этой диагностики противоречит результатам теста на контроль субъекта деепричастия и показывает однособытийность каузативов.

(33) *vas'a mone šäp kârž'a-t-i-z.*

Вася я.АСС быстрый петь-CAUS-PST-3SG

i. ‘Вася заставил меня быстро петь’.

ii. *‘Вася быстро заставил меня петь’.

(34) *vas'a mone tuž baʒʒ'äm kuara-jen kârž'a-t-i-z.*

Вася я.АСС очень большой голос-INS петь-CAUS-PST-3SG

i. ‘Вася заставил меня громко петь’.

ii. *‘Вася громко заставил меня петь’.

4.2.2. Временные адвербиалы: локализация

Адвербиалы временной локализации демонстрируют межъязыковую вариативность. В адыгейском языке они модифицируют либо всю ситуацию, либо каузируемое подсобытие (35). Горномарийский язык, напротив, допускает отдельную модификацию подсобытий и даже добавление двух адвербиалов в одно предложение (36), в отличие от, например, мокшанского (37).

(35) АДЫГЕЙСКИЙ

jate njepe čale-mwacə r-jə-ve-wəpč'e.

отец(OBL) сегодня парень-OBL 3SG.CS-3SG.CR-CAUS-косить(PRS)

i. ‘Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву (и парень косит сегодня)’.

ii. ‘Парень сегодня косит траву, потому что отец его (раньше) заставил / попросил’.

iii. *‘Отец сегодня заставляет/просит парня косить траву, но будет ли тот косить и если да, то когда, неизвестно’ [Аркадьев, Летучий 2007: 4].

(36) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tagačə pet'a vas'a-lan irgod-äm sir-mäš-äm sir-äkt-en.

сегодня Петя Вася-DAT завтрашний.день-ACC писать-NMLZ-ACC писать-CAUS.DIST-PRET

‘Сегодня Петя заставил Васю написать завтра письмо’ [Сибирева 2017: 8].

(37) МОКШАНСКИЙ

**mon is'ak šta-ft-in'ə kat'e-n' kectə pasuda-t' i son t'eč'i šta-z'ə.*

я вчера мыть-CAUS-PST.3.O.1SG.S Катя-GEN рука.EL посуда-DEF.SG.GEN и она сегодня мыть-PST.3SG.O.3SG.S

Ожидаемое значение: ‘Я вчера заставила Катю помыть посуду, и она сегодня помыла’ [Никифорова 2018: 485].

В татышлинском удмуртском адвербиалы локализуют всю ситуацию целиком (38), добавить второй адвербиал невозможно (39).

(38) *č'ukaje kat'a pet'a-jez vâž-ez mis'kâ-t-o-z.*

завтра Катя Петя-ACC пол-ACC мыть-CAUS-FUT-3SG

‘Завтра Катя попросит Петю помыть пол {, и Петя завтра же помое}’.

(39) **tünne nač'al'n'ik maša-jez č'ukaje [uža-t-i-z / uža-t-e / uža-t-o-z].*

сегодня начальник Маша-ACC завтра работать-CAUS-PST-3SG работать-CAUS-PRS.3SG работать-CAUS-FUT-3SG

Ожидаемое значение: ‘Начальник сегодня заставил / заставляет / заставит Машу работать завтра’.

Грамматические показатели времени также локализуют всю ситуацию, обозначенную глаголом, целиком. В частности, форма прошедшего времени не может употребляться для описания каузативной ситуации, если в момент речи каузирующее подсобытие завершилось, а каузируемое — нет (40). Такой характер взаимодействия для однособытийных каузативов не кажется удивительным, ср., например, русское предложение «Вася напоил Петю чаем», где прошедшее время также маркирует завершенность всей ситуации. Важное отличие татышлинского глагола заключается в том, что он морфологически произведен и включает регулярную каузативную морфему.

(40) *uč'kâ-ø, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-i-z!*

смотреть-IMP мама-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PST-3SG

‘Смотри, мама заставила Васю чистить зубы {и он уже закончил / *поэтому он сейчас их чистит}!’

На первый взгляд, с точки зрения ограничений на эксплицитную временную локализацию каузативы на *-t* являются прямыми в терминах [Shibatani, Pardeshi 2002], т. е. обязательно обозначают ситуацию, протекающую в едином временном профиле. Любопытно, что иметь два временных профиля для разных подсобытий не могут даже семантически дистантные каузативы (38)—(40), которые в типологической перспективе тяготеют к тому, чтобы концептуализироваться как две отдельные ситуации и выражать непрямую каузацию.

4.2.3. Адвербиалы длительности

При двусобытийных каузативах, где подсобытие каузации представляет собой полноценную самостоятельную ситуацию, предложения с адвербиалом длительности могут иметь три интерпретации, как в карачаево-балкарском языке:

(41) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ

fatima eki minut kerim-ge terek-ni cajqa-t-ti.

Фатима два минута Керим-DAT дерево-ACC качать-CAUS-PST.3SG

i. ‘Фатима две минуты заставляла Керима покачать дерево’.

ii. ‘Фатима заставила Керима покачать дерево две минуты’.

iii. ‘Фатима заставляла Керима покачать дерево (и все это происходило) две минуты’ [Лютикова и др. 2006: 141].

Вместе с тем адвербиалы длительности очевидным образом чувствительны к контактности или дистантности каузативов. В татышлинском удмуртском при контактной интерпретации адвербиал модифицирует всю ситуацию целиком (42i); при дистантной модифицируется только каузируемое подсобытие (42ii), но не каузирующее (42iii).

(42) *anaj-ez kâk sägät maša-jez šâd s'iâ-t-i-z.*

мама-POSS.3SG два час Маша-ACC суп есть-CAUS-PST-3SG

i. ‘Мама два часа кормила Машу супом’.

ii. ‘Мама заставила Машу есть суп два часа’.

iii. *‘Мама два часа уговаривала Машу съесть суп’.

Если каузируемое подсобытие по своим акциональным свойствам не сочетается с адвербиалом длительности (43a), то модификация невозможна совсем (43b). Если бы каузатив был двусобытийным, то это не стало бы причиной полной неграмматичности предложения, поскольку можно было бы ожидать, что каузирующее подсобытие отдельно осталось бы доступно для модификации.

(43) а. **ruslan sumka-jez odig minut bas't-i-z.*

Руслан сумка-ACC один минута брать-PST-3SG

Ожидаемое значение: ‘Руслан брал сумку одну минуту’.

- b. **anaj-ez vas'a-jez kâk sâgät ž'òk vâl-âs' jablok bas'tâ-t-i-z.*
 мама-POSS.3SG Вася-ACC два час стол поверхность-EL яблоко брат-CAUS-PST.3SG
 Ожидаемое значение: 'Мама два часа уговаривала Васю взять яблоко со стола / мама заставила Васю два часа брать яблоко со стола'.

4.2.4. Адвербиалы кратности

Как упоминалось выше, в ряде работ среди временных адвербиалов для определения количества подсобытий рассматриваются только адвербиалы кратности. В частности, его применяет О. Танцош для литературного удмуртского: предложение (44) имеет две интерпретации, из чего автор делает вывод, что каузатив с *-t* двусобытиен. Для адыгейского языка П. М. Аркадьев и А. Б. Летучий приводят контекст (45), предполагающий, что модификатор кратности относится к каузирующему подсобытию.

(44) ЛИТЕРАТУРНЫЙ УДМУРТСКИЙ

Дыш-ет-йсь Саша-ез одйг кырзан-эз кык пол кырза-т-й-з.
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Саша-ACC один песня-ACC два раз петь-CAUS-PST-3SG
 'Учитель заставил Сашу петь одну песню дважды' (неоднозначно: «дважды заставил» или «дважды спел») [Tánczos 2015: 128].

(45) АДЫГЕЙСКИЙ

fatjæme azamate pč-er t_we qə-ɽ_we-r-jə-ve-x'ə-ɸ.
 Фатима(OBL) Азамат(OBL) дверь-ABS дважды DIR-LOC-3SG.CS-3SG.CR-CAUS-открыть-PST
aw azamate ze qə-ɽ_we-r-jə-x'ə-ɸ.
 но Азамат(OBL) один.раз DIR-LOC-LOC-3SG.A-открыть-PST
 'Фатима два раза просила Азамата дверь открыть, а он открыл только один раз' [Аркадьев, Летучий 2007: 5].

Каузативы в татышлинском удмуртском, как и в случае адвербиалов длительности, выказывают разные свойства в зависимости от контактности. При контактных каузативах адвербиалы кратности ожидаемо имеют широкую сферу действия (46). При дистантных каузативах адвербиалы свободно модифицируют каузируемое подсобытие (47i), но не каузирующее (47ii)⁵; интерпретация (47iii) с модификацией ситуации целиком допускается не всеми опрошенными носителями.

- (46) *dâš-et-is' vas'a-jez kâk pol (ki-ti-z kutâ-sa)*
 учиться-CAUS-PTCP.ACT Вася-ACC два раз рука-PROL-POSS.3SG держать-CV
klass-is' pot-t-i-z.
 класс-EL выходить-CAUS-PST-3SG
 'Учитель дважды вывел Васю из класса (за руку)'.

- (47) *tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z.*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG
 i. 'Тренер заставил Руслана пробежать два круга по стадиону'.
 ii. ?? 'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {, а Руслан пробежал только один раз}'.
 iii. % 'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {один раз сказал обежать, потом второй раз сказал, и Руслан оба раза обегал}'.

Контекст в (48), аналогичный адыгейскому примеру (45), при этом показывает несколько иной результат: он приемлем для половины опрошенных информантов. Мы предполагаем, что в нем на самом деле также происходит модификация только каузируемого подсобытия, а не каузирующего, и обсудим его подробнее в следующем разделе.

- (48) %*tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z=no ruslan odig*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан один
pol gine biz'-i-z.
 раз только бежать-PST-3SG
 'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион, а Руслан пробежал только один раз'.

⁵ Маркировка двумя знаками вопроса при этой интерпретации обозначает единичные случаи разрешения — в отличие от знака процента, где случаев разрешения и запрета равное количество.

4.3. Диагностики: обобщение

Подведем итоги применения пяти тестов на количество событий в структуре морфологических каузативов с *-t* в татышлинском удмуртском. В литературном удмуртском, согласно [Tánczos 2015], диагностики 1 и 5 показывают строгую двусобытийность (остальные тесты к литературному удмуртскому не применялись).

Результаты применения диагностик

Диагностика	Результат	Структура
1. Контроль субъекта деепричастий	Два контролера: Каузатор и Каузируемый	(Двусобытийная)
2. Адвербиалы образа действия	Каузируемое подсобытие	Однособытийная
3. Адвербиалы временной локализации	Только вся ситуация	Однособытийная
4. Адвербиалы длительности	При контактной интерпретации: вся ситуация; при дистантной интерпретации: только каузируемое подсобытие	Однособытийная
5. Адвербиалы кратности	Каузируемое подсобытие, ^{??} каузирующее под- событие, [%] вся ситуация	Однособытийная

5. Обсуждение

Первое обобщение, которое можно сделать по результатам применения диагностик, следующее: каузируемое подсобытие чаще доступно для модификации, а каузирующее, напротив, скорее не может модифицироваться. Это говорит в пользу однособытийной структуры, но тогда необходимо отдельно обсудить тесты 1, 3 и 5.

Мы включили в рассмотрение тест на контроль деепричастия, поскольку его широко применяют на материале других языков, в том числе литературного удмуртского. Вместе с тем, выше мы уже обозначили, что его результаты связаны не с событийной структурой каузативов, а с некоторыми внешними факторами. Конкретные механизмы еще предстоит установить, но в пользу этого утверждения говорит несколько фактов. Во-первых, синтаксический статус Каузируемого при морфологических каузативах неясен, во многом из-за его падежа: механизмы приписывания и лицензирования второго аккузатива в конструкциях с двумя объектами (*double-object*) могут быть различными для разных языков [Baker 1985; 2015]. Консенсуса по этому вопросу для удмуртского языка среди исследователей нет (см. одну из гипотез в [Tánczos 2015: 112—116]). Можно предположить, что синтаксические свойства Каузатора, например позиция (как минимум аргументная или адъюнктивная), могут влиять на контроль деепричастий. Во-вторых, синтаксические свойства деепричастных клауз также изучены не до конца — например, односубъектные деепричастия на *-sa* демонстрируют подчинительные свойства относительно главной клаузы, тогда как разносубъектные — скорее сочинительные [Данилова 2022]; для корректного убедительного заключения о возможностях контроля разных аргументов главной клаузы необходимы дальнейшие исследования. На данный момент понятно, что деепричастия не могут использоваться в качестве диагностики событийной структуры каузативов в удмуртском языке — и это ставит под сомнение валидность теста в других языках, в особенности потому, что в работах, посвященных каузативам, редко эксплицитно рассматривают свойства причастий и деепричастий в клаузах с производными переходными глаголами.

Тест на сферу действия адвербиалов кратности, на первый взгляд, может показаться неоднозначным из-за примера (48), повторенного в (49). В таком случае нам пришлось бы заключить, что адвербиалы кратности имеют в некотором роде больший доступ к каузирующему подсобытию, чем адвербиалы других классов. Похожая асимметрия между типами временных модификаторов обнаружена в адыгейском языке [Аркадьев, Летучий 2007].

- (49) *%tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti biz'â-t-i-z=no ruslan*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL бежать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан
odig pol gine biz'-i-z.
 один раз только бежать-PST-3SG

‘Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион, а Руслан пробежал только один раз’.

Этого видимого неединообразия между типами адвербиалов можно избежать, если рассматривать пример выше как модификацию не каузирующего подсобытия (‘тренер совершил два акта каузации Руслана’), а каузируемого (‘тренер единожды каузировал Руслана совершить X, и в X входит два раза

обежать стадион'). Контекст на целевом языке ни в татышлинском, ни в адыгейском (пример (45)) такую трактовку не блокирует.

Допустимость (49) коррелирует с неимпликативностью каузатива в идиолекте носителя. Импликативным является каузатив, который не может иметь значения неудачной попытки: CAUS(P) $\subset$ P [Холодович (ред.) 1969; Shibatani 2002; Maldonado, Nava 2002]. Насколько нам известно, импликативность каузативов на удмуртском материале ранее не описывалась. Относительно этого параметра опрошенные носители татышлинского говора строго делятся на две примерно равные группы (никаких социолингвистических параметров, которые бы коррелировали с этим распределением, не выявлено):

- (50) %*dâš-et-is'* *pet'a-jez ôs-ez vors-a-t-i-z=no* *pet'a ôz vors-a.*
 учиться-CAUS-PTCP.АСТ Петя-ACC дверь-ACC закрывать-CAUS-PST-3SG=ADD Петя NEG.PST.3 закрывать
 'Учитель попросил Петю закрыть дверь, но Петя не закрыл'.

В идиолектах с импликативным каузативом предложения с модификатором каузируемого подсобытия не могут употребляться тогда, когда последующий контекст противоречит модификатору (51): если тренер (в прошедшем времени) заставил Руслана пробежать два круга по стадиону, то к моменту речи Руслан **уже** закончил их бегать. В идиолектах с неимпликативным каузативом, напротив, возможно значение неудачной попытки, стало быть, каузируемое подсобытие могло не произойти или произойти не в том виде, в каком подразумевалось Каузатором. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что контекстная нейтрализация других модификаторов каузируемого подсобытия так же зависит от (не)импликативности каузатива, как адвербиала кратности. В примере (51) каузируемым подсобытием является 'пахать огород два дня'; добавить контекст, при котором реально случившаяся ситуация отличается от этой, возможно только в идиолектах с неимпликативным каузативом. Таким образом, предложение (49) не является примером модификации каузирующего подсобытия, а адвербиалы кратности показывают такие же возможности относительно сферы действия, как и адвербиалы других классов.

- (51) %*ataj-ez ruslan-ez kâk nunal bakč'a-jez gârâ-t-i-z=no ruslan*
 отец-POSS.3SG Руслан-ACC два день огород-ACC пахать-CAUS-PST-3SG=ADD Руслан
odig nunal gine gâr-i-z.
 один день только пахать-PST-3SG
 'Отец попросил Руслана два дня пахать огород, а Руслан пахал только один день'.

Наконец, обсудим результаты теста на сферу действия адвербиалов временной локализации. Он выливается из общей тенденции потому, что единственный имеет только широкую сферу действия. Типологически такое поведение не является самоочевидным даже для однособытийных каузативов: в адыгейском языке, например, каузирующее подсобытие не может локализовываться отдельно от каузируемого, но при этом адвербиалы локализации могут иметь узкую сферу действия, т. е. охватывать каузируемое подсобытие, а не всю ситуацию целиком, см. (35). Получается, в татышлинском удмуртском каузируемое подсобытие доступно для любых типов модификаторов, кроме адвербиалов локализации, что кажется непоследовательным. Однако это можно объяснить, если предположить, что событийная структура каузативов на *-t* требует обязательного непосредственного следования подсобытий друг за другом: адвербиал модифицирует каузируемое подсобытие, а каузирующее не может быть от него отделено, поэтому «притягивается» за каузируемым и оказывается локализовано в той же временной точке. Это предположение согласуется с тем, что грамматические показатели времени в целом локализуют каузируемое подсобытие: как мы видели, форма прошедшего времени каузативного глагола может употребляться исключительно в том случае, если каузируемое подсобытие завершено (40). Форма настоящего времени возможна, когда в фокусе говорящего находится лишь каузируемое подсобытие (но каузирующее при этом подразумевается), см. пример (27), повторенный под номером (52). Если же в фокусе находится только каузирующее подсобытие, то возникает вариативность оценок приемлемости (52ii):

- (52) *uč'kâ-∅, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze mis'kâ-t-e!*
 смотреть-IMP мать-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG мыть-CAUS-PRS.3SG
 'Смотри, мама заставляет Васю чистить зубы!'
 i. {Мы заходим в ванную и видим, как Вася чистит зубы (мамы нет, но я знаю, что без напоминания он бы не стал этого делать)}.
 ii. % {Мы заходим в комнату и видим, как мама просит Васю пойти почистить зубы}.

Интерпретация (52ii) допустима исключительно в идиолектах с неимпликативным каузативом, где факт того, что случилось каузирующее подсобытие, не влечет за собой по умолчанию, что каузируемое подсобытие тоже случилось. Можно было бы ожидать, что большая степень самостоятельности каузи-

рующего подсобытия в неимплекативных идиолектах будет распространяться и на возможность его модификации, однако это не так. Каузирующее подсобытие имеет экстремально редуцированную структуру. Это среди прочего объясняет (или по меньшей мере коррелирует с данными явлениями) неспецифицированность каузативов на *-t* по типу каузации и затрудненность пермиссивной интерпретации, которая является типологически частым периферийным значением, но семантически представляется более комплексной, чем другие частные каузативные значения: «позволяющий» участник, в отличие от каузируемого, не инициирует процесс протекания ситуации и не имеет над ним контроля [Knott 1995; Kural 1997].

Таким образом, с описательной точки зрения морфологические каузативы на *-t* однособытийны, причем как контактные, так и дистантные. Однако такой широкий ярлык не позволяет зафиксировать различия между несколькими группами глаголов: контактными каузативами, дистантными имплекативными каузативами и дистантными неимплекативными каузативами. Понятие континуума [Shibatani, Pardeshi 2002] между прямой и непрямой каузацией оказывается более удачным для классификации и описания этих групп.

Татышлинские контактные каузативы, очевидно, являются прямыми, а их подсобытия обладают одним и тем же пространственно-временным профилем. В дистантных каузативах взаимодействие между подсобытиями носит иной характер: во-первых, между каузирующим и каузируемым подсобытиями нет полного временного перекрытия (52), а во-вторых, они допускают отсутствие пространственного перекрытия (53).

- (53) *nač'al'n'ik* [*gožtet* / *ruslan*] *pâr* *maša-jez* *uža-t-i-z*⁶.
 начальник письмо Руслан через Маша-ACC работать-**caus**-PST-3SG
 'Начальник через записку / через Руслана заставил Машу работать'.

Однако полной «свободы» каузирующего подсобытия татышлинские каузативы не имеют. В работе [Лютикова и др. 2006: 56] утверждается, что дистантные⁷ каузативы в карачаево-балкарском языке допускают нарушения единств трех типов: времени, места и участников. В татышлинском удмуртском подсобытия не могут быть разведены во времени, т. е. каузируемое обязано следовать сразу за каузирующим, как мы наблюдали выше. Тот факт, что татышлинские дистантные каузативы «проходят» тест на нарушение единства места и участников (53), но не «проходят» тест на нарушение единства времени, еще раз говорит о существовании континуума между прямой и непрямой каузацией.

Имплекативные каузативы в этом континууме располагаются посередине шкалы и имеют временное перекрытие между подсобытиями, но это перекрытие неполное: к моменту завершения каузирующего подсобытия каузируемое начато и продолжается, поэтому невозможно значение неудачной попытки. Неимплекативные каузативы стоят ближе к непрямым каузативам: подсобытия должны располагаться «вплотную» друг к другу, однако без перекрытия, поэтому после завершения каузирующего подсобытия возможно развитие ситуации, при котором каузируемое не наступает. Ситуации непрямой каузации, где подсобытия были бы разведены еще более широко и отделены друг от друга некоторым контекстно значимым временным интервалом, каузативы на *-t* выразить не могут.

6. Выводы

Мы применили к морфологическим каузативам с суффиксом *-t* в татышлинском удмуртском несколько диагностик одно- или двусобытийности (на материале литературного языка ранее применялась только часть из них): набор возможных агентивных участников-контролеров субъекта деепричастной клаузы, модификация агентивно-ориентированными адвербиалами, модификация временными адвербиалами разных классов (локализации, кратности, длительности). Мы установили, что, во-первых, тест на контроль деепричастных клауз для данных татышлинского говора неприменим, поскольку он оказывается чувствителен к другим синтаксическим явлениям. Во-вторых, морфологически продуктивные каузативы, в отличие от каузативов с суффиксом *-t* в литературном удмуртском, оказываются однособытийными вне зависимости от контактной или дистантной семантики: каузирующее подсобытие имеет экстремально редуцированную структуру, не может принимать никакие модификаторы и обязательно примыкает к каузируемому во временном отношении. Этим фактом можно объяснить неспецифицированность по типу каузирующего воздействия, а именно затрудненность пермиссивной интерпретации.

⁶ В ряде идиолектов сочетание *pâr* с одушевленным существительным возможно только с прямым значением послелога 'через, сквозь'.

⁷ В терминологии, принятой в указанной работе, дистантным каузативам соответствуют каузативы, образованные от агентивных основ.

В-третьих, опрошенные носители татышлинского удмуртского строго делятся на две группы в отношении (не)импликативности морфологических каузативов (соответствующие данные литературного удмуртского в существующих исследованиях не рассматриваются). Однако даже неимпликативность не дает каузирующему подсобытию больше «свободы» и самостоятельности.

Эти результаты любопытны с типологической точки зрения. С одной стороны, в том направлении исследований, где применялись тесты на количество субъектов деепричастных клауз и модификацию низкими адвербиалами, нет консенсуса относительно того, каузативы какого языка можно назвать однособытийными. Гипотезу об однособытийности морфологических каузативов выдвигали для венгерского [Horvath, Siloni 2010], см., однако, противоположное мнение в [Bartos 2011]. С другой стороны, каузативы с суффиксом *-t* в татышлинском говоре нетривиальным образом покрывают семантический континуум, предложенный в [Shibatani, Pardeshi 2002]. Авторы утверждают, что левый край континуума (прямые каузативы, с непосредственным физическим контактом и полным пространственно-временным перекрытием между подсобытиями) в языках мира скорее стремится к формальному выражению лексическими средствами и концептуализируется как единое событие, тогда как правый (непрямые каузативы, без непосредственного контакта, без присутствия Каузатора в осуществлении каузируемого подсобытия) имеет другие способы выражения и концептуализируется как два разных события. Татышлинские каузативы с показателем *-t*, во-первых, выражают все значения континуума, а во-вторых, концептуализируются как одно событие вне зависимости от их контактной или дистантной семантики.

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо	IMP — императив
ABL — аблатив	INF — инфинитив
ABS — абсолютив	INS — инструменталис
ACC — аккузатив	IPFV — имперфектив
ADD — аддитивная частица	LOC — локатив
CAUS — каузатив	NEG — отрицание
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NMLZ — номинализация
CONJ — союз	OBJ/O — объект
CR — каузатор	OBL — косвенный падеж
CS — каузируемый	PAST/PST — прошедшее время
CVB — деепричастие	PC — причастие
CV.PURP — целевое деепричастие	POSS/P — посессив
DAT — датив	PRET — претерит
DEF — определенность	PROL — пролатив
DETR — детранзитив	PRS — настоящее время
EL — элатив	PTCP.ACT — активное причастие
FUT — будущее время	REFL — рефлексив
GEN — генитив	S — субъект
GEN2 — второй генитив	SG — единственное число
ILL — иллатив	TOP — топик

Литература

- Аркадьев, Летучий 2007 — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 1—3 ноября 2007). [Материалы доклада], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf>
- Бонч-Осмоловская 2007 — А. А. Бонч-Осмоловская. Семантика актантных дериваций // Е. А. Лютикова и др. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 143—192.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / П. И. Перевощиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев (ред.). Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
- Данилова 2022 — А. А. Данилова. Синтаксические свойства деепричастий на *-sa*, *-kâ*, *-č'č'ož* в татышлинском говоре удмуртского языка // Конференция «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ, 22—23 апреля 2022 г.) [Материалы доклада], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks>

- Кельмаков 1998 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Ижевск: Удмуртия, 1998.
- Кондратьева 2002 — Н. В. Кондратьева. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане). Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.
- Кондратьева 2009 — Н. В. Кондратьева. Возникновение формы залога в современном удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2009, 1. С. 73—86.
- Костина 2022 — К. Г. Костина. Типы залоговых конструкций удмуртского глагола. Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2022.
- Лыткин 1957 — В. И. Лыткин. Понудительный залог в пермских языках // Ученые записки Удмуртского НИИ ИЭИЯ. 1957, 18. С. 99—106.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Никифорова 2018 — С. О. Никифорова. Каузатив // М. А. Холодолова и др. (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М: Буки Веди, 2018. С. 472—489.
- Перехвальская 2017 — Е. В. Перехвальская. Каузативные конструкции в башкирском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. 13. С. 231—254.
- Сибирева 2017 — А. А. Сибирева. Каузатив в горномарийском языке: двойной каузатив и семантика интенсификации // Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 23—25 ноября 2017 г.). [Материалы доклада], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks>
- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Холодович (ред.) 1969 — А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Baidoullina 2003 — А. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu, 2003.
- Baker 1985 — M. Baker. The mirror principle and morphosyntactic explanation // Linguistic Inquiry. 1985, 16. P. 373—416.
- Baker 2015 — M. Baker. Case: its principles and parameters. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Bartos 2011 — H. Bartos. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive // T. Laczko, C. O. Ringen (eds.). Approaches to Hungarian. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 1—38.
- Cinque 1999 — G. Cinque. Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective. New York—Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Comrie 1981 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Oxford: Blackwell, 1981.
- Delfitto 2006 — D. Delfitto. Adverb classes and adverb placement // H. van Riemsdijk, M. Everaert (eds.). The Blackwell Companion to Syntax. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 2006. P. 83—120.
- Dik et al. 1990 — S. C. Dik, K. Hengeveld, E. Vester, C. Vet. The hierarchical structure of the clause and the typology of adverbial satellites // J. Nyuts, A. Machelt Bolkestein, C. Vet (eds.). Layers and levels of representation in language theory. Amsterdam: John Benjamins, 1990. P. 25—10.
- Dolovai 2006 — D. Dolovai. A műveltetés és a műveltető szerkezetek // I. Kozmács, K. Sipőcz (eds.). Uralisztika. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. P. 147—165.
- Harley 2008 — H. Harley. On the causative construction // S. Miyagawa, M. Saito (eds.). The Oxford handbook of Japanese linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 20—53.
- Horvath, Siloni 2010 — J. Horvath, T. Siloni. Lexicon vs. syntax: Evidence from morphological causatives // M. Rapoport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Syntax, lexical semantics and event structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 153—176.
- Karttunen 1971 — L. Karttunen. Implicative verbs // Language. 1971, 47. P. 340—358.
- Kitagawa 1986 — Y. Kitagawa. Subjects in Japanese and English. PhD thesis. Amherst, Massachusetts, 1986.
- Knott 1995 — J. Knott. The causative-passive correlation // D. C. Bennett, T. Bynon, B. G. Hewitt (eds.). Subject, voice and ergativity. London: School of Oriental and African Studies, 1995. P. 53—59.
- Koshevoy 2018 — A. Koshevoy. Morphological causatives in Abaza // Linguistics. Working papers BRP HSE. No 75/LNG/2018, 2018. <https://wp.hse.ru/data/2018/12/25/1143086542/75LNG2018.pdf>
- Kulikov 2001 — L. Kulikov. Causatives // M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 886—898.
- Kural 1997 — M. Kural. Modality in causatives // Proceedings of the 23th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1997. P. 224—233.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure // B. Copley, F. Martin (eds.). Causation in Grammatical Structures. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279—327.

- Maldonado, Nava 2002 — *R. Maldonado, L. E. F. Nava*. Tarascan causatives and event complexity // *M. Shibatani* (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 157—198.
- Matsumoto 1998 — *Y. Matsumoto*. A reexamination of the cross-linguistic parametrication of causative predicates: Japanese perspectives // *M. Butt, T. H. King* (eds.). *Proceedings of the LFG'98 Conference Vol. 16*. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 1—16.
- Pylkkänen 2000 — *L. Pylkkänen*. Representing causatives // *Semantics and Linguistic Theory*. 2000, 10. P. 132—148.
- Say 2013 — *S. Say*. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 2013, 94. P. 257—280.
- Shibatani 1972 — *M. Shibatani*. Three reasons for not deriving 'kill' from 'cause to die' in Japanese // *J. Kimball* (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 1. New York: Academic Press, 1972. P. 125—137.
- Shibatani 2002 — *M. Shibatani*. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation // *M. Shibatani* (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 1—22.
- Shibatani, Chung 2002 — *M. Shibatani, S.-Y. Chung*. Japanese and Korean causatives revisited // *N. M. Akatsuka, S. Strauss* (eds.). *Japanese/Korean Linguistics*. Vol. 10. Stanford: CSLI Publications, 2002. P. 32—49.
- Shibatani, Pardeshi 2002 — *M. Shibatani, P. Pardeshi*. The causative continuum // *M. Shibatani* (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 85—126.
- Tánczos 2015 — *O. Tánczos*. Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language. PhD thesis. Budapest, 2015.

References

- Arkad'ev, Letuchii 2007 — *P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii*. Tipologicheski netrivial'nye svoystva morfologicheskogo kauzativa v adygeiskom yazyke. In: *Chetvertaya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei*. (Sankt-Peterburg, ILI RAN, 1—3 noyabrya 2007). [Materialy doklada], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf> {*P. M. Arkad'ev, A. B. Letuchii*. Typologically non-trivial features of the morphological causative in Adyg. In: *The fourth conference on typology and grammar for young scholars* (Saint-Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Science, November 1—3 2007). [Talk materials], 2007. <https://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievLetuchiy-caus-handout.pdf>}
- Baidoullina 2003 — *A. Baidoullina*. Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya. Magisterskaya dissertatsiya. Tartu, 2003. {*A. Baidoullina*. The Tatyshly dialect of the Udmurt language. MA dissertation. Tartu, 2003.}
- Baker 1985 — *M. Baker*. The mirror principle and morphosyntactic explanation. In: *Linguistic Inquiry*. 1985, 16. P. 373—416.
- Baker 2015 — *M. Baker*. *Case: its principles and parameters*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Bartos 2011 — *H. Bartos*. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive. In: *T. Laczkó, C. O. Ringen* (eds.). *Approaches to Hungarian*. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 1—38.
- Bonch-Osmolovskaya 2007 — *A. A. Bonch-Osmolovskaya*. Semantika aktantnykh derivatsii. In: *E. A. Lyutikova i dr.* (red.). *Misharskii dialekt tatarskogo yazyka. Ocherki po sintaksisu i semantike*. Kazan': Magarif, 2007. S. 143—192. {*A. A. Bonch-Osmolovskaya*. The semantics of actant derivations. In: *E. A. Lyutikova et al.* (ed.). *Mishar dialect of Tatar. Essays on syntax and semantics*. Kazan': Magarif, 2007. P. 143—192.}
- Cinque 1999 — *G. Cinque*. *Adverbs and functional heads. A cross-linguistic perspective*. New York—Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Comrie 1981 — *B. Comrie*. *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*. Oxford: Blackwell, 1981.
- Danilova 2022 — *A. A. Danilova*. Sintaksicheskie svoystva deeprichastii na -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. In: *Konferentsiya "Malye yazyki v bol'shoi lingvistike"* (Moskva, MGU, 22—23 aprelya 2022 g.) [Materialy doklada], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks> {*A. A. Danilova*. Sintaksicheskie svoystva deeprichastii na -sa, -kâ, -č'č'ož v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka. Syntactic features of converbs with the suffixes -sa, -kâ, and -č'č'ož in Tatyshly Udmurt. In: *Conference "Minor languages in the Big linguistics"* (Moscow, Lomonosov Moscow State University April 22—23 2022) [Talk materials], 2022. <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/talks>}
- Delfitto 2006 — *D. Delfitto*. Adverb classes and adverb placement. In: *H. van Riemsdijk, M. Everaert* (eds.). *The Blackwell Companion to Syntax*. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 2006. P. 83—120.
- Dik et al. 1990 — *S. C. Dik, K. Hengeveld, E. Vester, C. Vet*. The hierarchical structure of the clause and the typology of adverbial satellites. In: *J. Nyuts, A. Machelt Bolkestein, C. Vet* (eds.). *Layers and levels of representation in language theory*. Amsterdam: John Benjamins, 1990. P. 25—10.
- Dolovai 2006 — *D. Dolovai*. A műveltetés és a műveltető szerkezetek. In: *I. Kozmács, K. Sipőcz* (eds.). *Uralisztika*. Budapest: Bölcsész Konzorcium, 2006. P. 147—165.

- GSUYA 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya / P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (red.). Izhevsk: Izhevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language. Phonetics and morphology. P. I. Perevoshchikov, V. M. Vakhrushev, V. I. Alatyrev (eds.). Izhevsk: Izhevsk book publishing house, 1962.}
- Harley 2008 — H. Harley. On the causative construction. In: S. Miyagawa, M. Saito (eds.). The Oxford handbook of Japanese linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 20—53.
- Horvath, Siloni 2010 — J. Horvath, T. Siloni. Lexicon vs. syntax: Evidence from morphological causatives. In: M. Rappaport Hovav, E. Doron, I. Sichel (eds.). Syntax, lexical semantics and event structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 153—176.
- Karttunen 1971 — L. Karttunen. Implicative verbs. In: Language. 1971, 47. P. 340—358.
- Kel'makov 1998 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Izhevsk: Udmurtiya, 1998. {V. K. Kel'makov. The brief course of the dialectology of Udmurt: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Izhevsk: Udmurtiya, 1998.}
- Kholodovich (red.) 1969 — A. A. Kholodovich (red.). Tipologiya kauzativnykh konstruktov. Morfologicheskii kauzativ. Leningrad: Nauka, 1969. {A. A. Kholodovich (ed.). The typology of causative constructions. Morphological causative. Leningrad: Nauka, 1969.}
- Kitagawa 1986 — Y. Kitagawa. Subjects in Japanese and English. PhD thesis. Amherst, Massachusetts, 1986.
- Knott 1995 — J. Knott. The causative-passive correlation. In: D. C. Bennett, T. Bynon, B. G. Hewitt (eds.). Subject, voice and ergativity. London: School of Oriental and African Studies, 1995. P. 53—59.
- Kondrat'eva 2002 — N. V. Kondrat'eva. Vyrazhenie pryamogo ob"ekta v udmurtskom yazyke (v istoriko-sopostavitel'nom plane). Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2002. {N. V. Kondrat'eva. Marking of direct objects in the Udmurt language (in historic and comparative perspective). PhD thesis. Izhevsk, 2002.}
- Kondrat'eva 2009 — N. V. Kondrat'eva. Vozniknovenie formy zaloga v sovremennom udmurtskom yazyke. In: Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. 2009, 1. S. 73—86. {N. V. Kondrat'eva. Emergence of the voice forms in modern Udmurt. In: Bulletin of the Udmurt university. History and philology. 2009, 1. P. 73—86.}
- Koshevoy 2018 — A. Koshevoy. Morphological causatives in Abaza. In: Linguistics. Working papers BRP HSE. No 75/LNG/2018, 2018. <https://wp.hse.ru/data/2018/12/25/1143086542/75LNG2018.pdf>
- Kostina 2022 — K. G. Kostina. Tipy zalogovykh konstruktov udmurtskogo glagola. Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2022. {K. G. Kostina. Types of the verbal voice constructions in Udmurt. PhD thesis. Izhevsk, 2022.}
- Kulikov 2001 — L. Kulikov. Causatives. In: M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 886—898.
- Kural 1997 — M. Kural. Modality in causatives. In: Proceedings of the 23th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1997. P. 224—233.
- Lytkin 1957 — V. I. Lytkin. Ponuditel'nyi zalog v permskikh yazykakh. In: Uchenye zapiski Udmurtskogo NII IEHIYA. 1957, 18. S. 99—106. {V. I. Lytkin. Causative voice in the Permian languages. In: Memoires of the Udmurt history, language and literature institute. 1957, 18. P. 99—106.}
- Lyutikova i dr. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke. Moskva: IMLI RAN, 2006. {E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. G. Pazel'skaya, A. B. Shluinskii.. Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, 2006.}
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Causativization and event structure. In: B. Copley, F. Martin (eds.). Causation in Grammatical Structures. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 279—327.
- Maldonado, Nava 2002 — R. Maldonado, L. E. F. Nava. Tarascan causatives and event complexity. In: M. Shibatani (ed.). The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 157—198.
- Matsumoto 1998 — Y. Matsumoto. A reexamination of the cross-linguistic parametrization of causative predicates: Japanese perspectives. In: M. Butt, T. H. King (eds.). Proceedings of the LFG'98 Conference Vol. 16. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998. P. 1—16.
- Nikiforova 2018 — S. O. Nikiforova. Kauzativ. In: M. A. Kholodilova i dr. (red.). Ehlementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Moskva: Buki-Vedi, 2018. S. 472—489. {S. O. Nikiforova. Causative. In: M. A. Kholodilova et al. (eds.). Elements of the Moksha language in the typological perspective. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 472—489.}
- Perekhval'skaya 2017 — E. V. Perekhval'skaya. Kauzativnye konstruktivnyye v bashkirskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Vol. 13. S. 231—254. {E. V. Perekhval'skaya. Causative constructions in Bashkir. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Vol.13. P. 231—254.}
- Pylkkänen 2000 — L. Pylkkänen. Representing causatives. In: Semantics and Linguistic Theory. 2000, 10. P. 132—148.
- Say 2013 — S. Say. Kalmyk causative constructions: case marking, syntactic relations and the speaker's perspective. In: Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2013, 94. P. 257—280.

Shibatani 1972 — M. Shibatani. Three reasons for not deriving ‘kill’ from ‘cause to die’ in Japanese. In: J. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 1. New York: Academic Press, 1972. P. 125—137.

Shibatani 2002 — M. Shibatani. Introduction: Some basic issues on the grammar of causation. In: M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 1—22.

Shibatani, Chung 2002 — M. Shibatani, S.-Y. Chung. Japanese and Korean causatives revisited. In: N. M. Akatsuka, S. Strauss (eds.). *Japanese/Korean Linguistics*. Vol. 10. Stanford: CSLI Publications, 2002. P. 32—49.

Shibatani, Pardeshi 2002 — M. Shibatani, P. Pardeshi. The causative continuum. In: M. Shibatani (ed.). *The grammar of causation and interpersonal manipulation*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 85—126.

Sibireva 2017 — A. A. Sibireva. *Kauzativ v gornomariiskom yazyke: dvoynoi kauzativ i semantika intensivatsii*. In: *Chetyrnadtsataya konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei* (Sankt-Peterburg, 23—25 noyabrya 2017 g.). [Materialy doklada], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks> {A. A. Sibireva. Causative in Hill Mari: double causative and the intensification semantics. In: 14th conference on typology and grammar for young scholars. (Saint-Petersburg, November 23—25 2017). [Talk materials], 2017. <http://hillmari-exp.tilda.ws/talks>}

Tánczos 2015 — O. Tánczos. *Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language*. PhD thesis. Budapest, 2015.

Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. {S. G. Tatevosov. *Aktionsart in lexicon and grammar. Verb and event structure*. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2015.}